

дозренным в ереси и стать добычей инквизиции¹⁰. Правда, с затуханием последних больших гонений на христиан¹¹ со смертной казвью в делах религии стали обращаться осторожнее, зарезервировав ее фактически только по отношению к вероотступникам и манихеям, так как апостасия и манихейство относились к разряду *crimen publicum*¹². Но ведь при желании, а также при теологической и исторической неопределенности статуса этих «делинквантов» (ни апостаты, ни манихеи не были еретиками в прямом смысле слова) под эти категории можно было подвести какую угодно ересь, что, впрочем (как показало замечательное исследование проф. Х.-Г. Бека), постоянно и делалось¹³. А все усиливавшееся на Западе партнерство в церковном судебном процессе государства и церкви привело к вызреванию классической формы «аутодафе», и от искры, вызванной такого рода «актом веры», запылали костры, дымом которых застлало на многие века все государства германо-романского мира.

Но это в католической Западной Европе. В отличие от нее на христианском Востоке церковь предпочитала оставаться в рамках древнехристианской покаянной дисциплины, а иногда и декларировала свой отказ от возможности «умывать руки» посредством выдачи еретика государственной юстиции. Феодор Студит, например, напоминая о том, что ни один церковный канон никогда ни для кого не предусматривал наказания смертью или даже бичеванием (и это сушая правда!)¹⁴, высказывает фундаментальный аргумент в пользу неприменения смертной казни к еретикам: ведь в этом случае у них отнимается всякая возможность однажды раскаяться¹⁵, — этаким конфессиональный вариант юридической проблемы необратимости наказания смертью. Государству, таким образом, не приходилось особенно рассчитывать на помощь церкви, оно вынуждено было бороться с ересями (с теми же павликианами или богомилами) своими средствами, без необходимого идеологического, а порой и юридического обоснования. По мнению Х.-Г. Бека, лишь один-единственный раз за весь период с середины IX и до XV в. включительно в Византии имел место «еретический процесс», который можно подвести под категорию «аутодафе» и жертвой которого стал сожженный на костре богомил Василий¹⁶.

Впрочем, и в отношении «гражданских» преступлений византийское уголовное законодательство не оставалось неизменным в своей свирепости. Конечно, оно унаследовало от Рима всю «обойму» уголовных кар,

¹⁰ Beck H.-G. *Actus Fidei: Wege zum Autodafé*. München, 1987. S. 5.

¹¹ О карательном-правовом аспекте гонений на христиан по данным агиографии в последнее время появилось замечательное исследование Каллиопы Бурдары: Bourdara K. A. *Tò dikaios stà ágiologiká xéimeva*. 'Aθήνα, 1987.

¹² Beck H.-G. *Actus Fidei*. P. 21; Giandomenici A. *Considerazioni sulle Costituzioni contenute nella rubrica De Apostatis nei Codici Giustiniano o Teodosiano // Apollinaris*. 1979. Vol. 52. P. 600—617; *Maria Pia Baccari*. *Gli apostati nel Codice Teodosiano // Ibid.* 1981. Vol. 51. P. 538—581; *Troianos S. N.* 'O «Πινάλιος» τοῦ 'Εκλογαδίου. Frankfurt a. Main, 1980. S. 45—48.

¹³ Beck H.-G. *Actus Fidei*. *Passim*. Тройное считает, что за двумя наиболее важными группами еретиков — манихеи и монтанисты — скрывается «вся совокупность» ересей. См.: *Troianos S. N.* 'O «Πινάλιος» τοῦ 'Εκλογαδίου. S. 117.

¹⁴ Каталог традиционных церковных епитимий, полагавшихся за «обыкновенное», совершенное неумышленно убийство, демонстрирует нам, например, приговор митрополита Иоанна Апокавка от 1228 г. См.: *Fögen M. Th.* *Ein ganz gewöhnlicher Mord // Rechtshistorisches Journal*. 1984. Bd. 3. S. 71—81.

¹⁵ *Nova Patrum Bibliotheca / Ed. J. Cozza-Luzi*. Roma, 1888. Vol. IX, 1. P. 21.

¹⁶ Beck H.-G. *Actus Fidei*. P. 64. На мой взгляд, Х.-Г. Бек мог бы присовокупить сюда, по крайней мере, еще один случай — осуждение на смерть вероотступника Ювеналия в середине XV в. и особенно юридическое и идеологическое обоснование Геннадием Схоларием этого процесса. См. о нем: *Медведев И. П.* Дело вероотступника Ювеналия с юридической точки зрения // *The 17th Intern. Byz. Congress: Major Papers*. N. Y., 1986.